

Историческая социология. 1917 год в истории

От редакции: Статьями Б.Н. Миронова и В.В. Кобановского журнал начинает публикацию статей, посвященных 100-летию революций 1917 г. Приглашаем потенциальных авторов к участию в этой рубрике.

© 2013 г.

Б.Н. МИРОНОВ

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА КАК ПОБОЧНЫЙ ПРОДУКТ МОДЕРНИЗАЦИИ

МИРОНОВ Борис Николаевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник С.-Петербургского института истории РАН, профессор С.-Петербургского государственного университета (E-mail: bmironov@mail.wplus.net).

Аннотация. *Предлагается анализ русской революции 1917 г. сквозь призму теории модернизации. В свете её она предстает как издержки, или побочный продукт успешной модернизации. Конфликт традиции и современности не вел фатально к революции, а лишь создавал для нее возможность, ставшей реальностью в силу обстоятельств – трудностей военного времени и борьбы за власть между оппозицией и монархией.*

Ключевые слова: *русская революция 1917 г. • марксизм • теория модернизации • реформы 1860–1870-х гг.*

Большинство работ о революции 1917 г., опубликованных в советский период, написано в марксистско-ленинской парадигме: Российская империя накануне Первой мировой войны находилась в системном кризисе, который привел к революции, война стала лишь спусковым крючком. Парадигма являлась нормативной, вольнодумство допускалось в ограниченных пределах. Эта парадигма сохраняется, несмотря на утрату монополии, в значительной степени потому, что не предложено убедительного объяснения революционных событий. В некоторых работах она сохранилась в девственной чистоте, в других, в том числе в учебной литературе, – в осовремененном виде, внешне освободившись от марксистско-ленинских одежд. Ушли одиозные классовые оценки, ослабли или сошли на нет славословия в адрес одних действующих лиц и поношения других, но аналитическая схема многих работ мало изменилась. Широко распространено мнение: если империя погибла, значит, она находилась в состоянии системного кризиса в предшествующий период, а революция являлась необходимой, закономерной и благодетельной. Логично, но не

всегда правильно. Разрушиться и погибнуть государство может без кризиса, например, в результате войны, если соперник сильнее. Передовая и модернизированная Германия в XX в. дважды проигрывала войны. Кризис далеко не всегда является признаком несостоятельности режима в политическом, социальном и экономическом смысле. Он может быть преходящим, как кризис подросткового возраста, и свидетельствовать о прогрессивном развитии, не об упадке. Сторонники кризисного происхождения революции главными ее причинами считают половинчатые реформы, не поспевающие за жизнью, и отсталую политическую систему, т.е. противоречия между социально-экономической и политической структурами социума. Ленинизм умер. Да здравствует ленинизм!

В статье предлагается анализ русской революции 1917 г. сквозь призму теории модернизации. В таком свете она предстает как результат конфликта традиции и современности.

В историографии существует два взгляда на революционные события 1917 г. Согласно первому, в России произошли две революции – в феврале и в октябре. По второй версии февральские и октябрьские перевороты являлись двумя стадиями (этапами) одной революции. В настоящее время все больше российских и зарубежных исследователей склоняются к мысли, что февральские и октябрьские события 1917 г. – два этапа одной революции, начало которой целесообразно передвинуть к 1914 г., моменту вступления России в мировую войну, а завершение – к 1920 г., окончанию гражданской войны. Это представляется вполне резонным. Февральские события не успели завершиться легитимацией нового режима или его фактическим утверждением. И правительство было *временным*, и парламент – *предпарламентом*. Определить правовой статус нового режима и превратить его в легитимный должно было Учредительное собрание. Но оно собралось слишком поздно, большевики его разогнали. Возвращение к концепции единой революции оправдано и в сравнительно-исторической перспективе. Революционные события в Нидерландах в 1566–1579 гг., продолжавшиеся 13 лет, делят на четыре этапа, не на четыре революции. Английская революция XVII в. (известная также как Английская гражданская война), длившаяся 18 лет, 1642–1660 гг., делится историками на этапы или войны, не на революции. В истории Великой французской революции – 1789–1799 гг. – историки выделяют четыре этапа, а не четыре революции, хотя взятие Бастилии, установление якобинской диктатуры, термидорианский переворот и переворот 18 брюмера могли бы претендовать на статус отдельной революции.

Можно говорить о трех революциях в России XX в. Первая русская революция 1905–1907 гг. Вторая русская революция 1914–1920 гг. Третья русская революция 1985–1993 гг. (от начала перестройки до претворения в жизнь реформ Е. Гайдара включительно).

Россия после Великих реформ. В России после отмены крепостного права произошло экономическое чудо. В 1861–1913 гг. темпы экономического развития были сопоставимы с европейскими, хотя отставали от американских. Национальный доход за 52 года увеличился в 3,8 раза, а на душу населения – в 1,6 раза. И это несмотря на естественный прирост населения, о котором в настоящее время мечтать не приходится. Население империи (без Финляндии) увеличивалось за эти годы почти на 2 млн ежегодно. Душевой прирост объема производства составлял 85% от среднеевропейского. С 1880-х гг. темпы экономического роста стали выше не только среднеевропейских, но и “среднезападных”. Валовой национальный доход увеличивался на 3,3% ежегодно – на 0,1 больше, чем в СССР в 1929–1941 гг., и только на 0,2% меньше, чем в США – стране с самыми высокими темпами развития в мире в то время [Грегори, 2003: 22–23, 61–62]. Развивались все отрасли народного хозяйства, хотя в разной степени. Наибольшие успехи наблюдались в промышленности. С 1881–1885 гг. по 1913 г. доля России в мировом промышленном производстве возросла с 3,4 до 5,3% [Rather, 1979: 385]. Сельское хозяйство,

несмотря на институциональные трудности, прогрессировало среднеевропейскими темпами.

Но главное чудо в том, что при высоких темпах роста экономики и населения происходило существенное повышение благосостояния. Иными словами, индустриализация сопровождалась повышением уровня жизни крестьянства и, значит, происходила не за его счет, как принято думать. На чем основано это заключение? О повышении уровня жизни свидетельствуют следующие факты.

(1) Увеличение с 1850-х по 1911–1913 гг. реальной подневной платы сельскохозяйственного рабочего в 3,8 раза, промышленных рабочих – в 1,4 раза [Миронов, 2012: 429].

(2) Повышение с 1885 по 1913 г. производства потребительских товаров и оборота внутренней торговли на душу населения в постоянных ценах – в 1,7 раза [Струмилин, 1979: 444] (за более раннее время сведений нет).

(3) Увеличение между 1886–1890 и 1911–1913 гг. количества зерна, оставляемого крестьянами для собственного потребления, на 34% [Миронов, 2012: 530].

(4) Уменьшение числа рабочих дней в году у крестьян со 135 в 1850-е гг. до 107 в 1902 г., у пролетариев числа рабочих часов с 2952 в 1850-е гг. до 2570 в 1913 г. [Миронов, 1999: 277; Миронов 2012: 457].

(5) Массовая скупка земли крестьянами. За 1862–1910 гг. крестьяне купили 24,5 млн десятин земли, заплатив за нее огромные деньги – 971 млн. руб. Это в 28 раз больше всех недоимок, накопившихся за ними к 1910 г. Купчая земля относительно наделной составляла 6,8% в 1877 г., 14,5% в 1887 г., 21,6% в 1910 г., относительно всей частновладельческой земли – соответственно, 6,2%, 13,1% и 25%. Почти половина (46%) земли была куплена крестьянскими обществами и товариществами [Святловский, 1911: 81, 133–137; Статистические сведения, 1895: 35; Статистика землевладения, 1907: 11–17].

(6) Увеличение вкладов россиян в государственных сберегательных кассах – самом популярном банке России. В 50 губерниях Европейской России с 1865–1869 гг. по 1909–1913 гг. число вкладчиков увеличилось в 159 раз, на 1000 жителей – в 82 раза, величина вклада на одного вкладчика с учетом инфляции – в 1,7 раза, величина вклада на одного жителя страны – с учетом инфляции – в 145 раз. Среди вкладчиков касс из профессиональных групп выделялись “работники”, – лица, занятые в земледелии и промышленности, т.е. в огромном большинстве крестьяне и рабочие. Их доля среди клиентов увеличилась с 9% в 1865–1869 гг. до 33% в 1909–1913 гг., а доля во вкладах – соответственно, с 11 до 33%. В 1913 г. их было 7,6 млн (женщин около 43%, мужчин – 57%). Если принять, что мужчины представляли семью, то только в сберегательных кассах хранили деньги около 4,3 млн семей, – до 26 млн человек (в среднем семья включала 6 человек), 21% жителей Европейской России. Сберегательные кассы хранили лишь часть накоплений “работников”: многие держали деньги в кубышке; кроме сберегательных касс имелись другие кредитные учреждения [Миронов, 2012: 533].

(7) Существенное и систематическое увеличение конечной (при достижении полной физической зрелости) длины тела мужчин за 1791–1915 годы на 7,7 см (с 161,3 до 169,0) и веса за 1811–1915 гг. – на 7,4 кг (с 59,1 до 66,5) дает уверенность в том, что благосостояние населения действительно повысилось. Индекс массы тела, показывающий уровень питания, на протяжении 1811–1915 гг. всегда соответствовал норме, а к концу изучаемого периода немного увеличился – с 21,8 до 23,3 [Миронов, 2012: 213, 216, 372–373].

(8) Повышение с 1863 г. по 1906–1910 гг. расходов на алкоголь в 2,6 раза на душу населения [Миронов, 2012: 457].

(9) Увеличение с 0,171 до 0,308 – в 1,8 раза индекса развития человеческого потенциала (Табл.), который учитывает (а) продолжительность жизни; (б) уровень образования (грамотность и процент учащихся среди детей школьного возраста); (в) валовой внутренний продукт на душу населения (ВВП).

Индекс развития человеческого потенциала в России в 1851–1914 годы
(без Финляндии)

Годы	Население, млн	ВВП на душу населения*		Образование**			Средняя продолжительность жизни		Индекс развития человеческого потенциала
		дол.	индекс	грамотность, %	учащиеся, %	индекс	лет	индекс	
1851–1860	73,5	701,0	0,381	14	1,4	0,098	27,1	0,035	0,171
1861–1870	78,4	675,9	0,374	17	1,9	0,120	27,9	0,048	0,181
1871–1880	91,7	666,4	0,372	19	2,3	0,134	28,8	0,063	0,190
1881–1890	110,6	679,9	0,375	22	2,5	0,155	29,7	0,078	0,203
1891–1900	125,8	790,7	0,402	28	3,5	0,198	31,2	0,103	0,234
1901–1910	147,6	928,1	0,430	33	5,5	0,250	32,9	0,132	0,271
1913	171,0	1036,0	0,449	40	7,9	0,293	36,0	0,183	0,308

* В долларах США 1989 г.

** Без Польши и Финляндии.

Источники: [Грегори, 2003: 22, 232–237; Миронов, 1991: 82, 146; Миронов, 1994: С. 111–125; Очерки, 1991: 518, 525, 527, 529, 531; Воспроизводство, 1983: С. 61; Демографическая модернизация, 2006: 292].

Прогресс наблюдался во всех сферах жизни. Социальная структура общества в пореформенное время претерпела коренную мирную трансформацию. Благодаря реформам 1860-х гг. сословия постепенно утрачивали специфические привилегии, сближались в правовом отношении и постепенно трансформировались в классы и профессиональные группы. Дворяне-помещики сливались в одну социально-профессиональную группу с частными землевладельцами, дворяне-чиновники – с чиновниками-недворянами, прочие категории личного и потомственного дворянства – с профессиональной интеллигенцией. Происходило «обуржуазивание» дворянства и «оземеливание» буржуазии. Духовенство эволюционировало в сторону профессиональной группы духовных пастырей. Городское сословие превращалось в предпринимателей, интеллигенцию и рабочих, крестьянство – в фермеров и рабочих. Решающее значение в превращении сословий в классы и профессиональные группы имели, с одной стороны, юридическая и фактическая ликвидация привилегий дворянства, с другой – ликвидация правовой неполноценности податных сословий. С отменой крепостного права в 1861 г. все категории крестьян и городских обывателей сравнивались по своим правам, дворянство утратило главную привилегию – монопольное право на владение крепостными. После введения земских учреждений в 1864 г. сословия получили право формировать органы самоуправления на уездном и губернском уровнях. Городская реформа 1870 г. превратила городское самоуправление во всесословное самоуправление. В результате судебной реформы в 1864 г. сословные суды упразднялись, все граждане попадали под юрисдикцию единых судов. Введение всеобщей воинской повинности в 1874 г. ликвидировало различие между привилегированными и податными сословиями: представители всех сословий, включая дворянство, на общих основаниях привлекались к воинской повинности. Другие реформы последней трети XIX – начала XX в. (отмена подушной подати и круговой поруки среди сельских и городских обывателей, включение дворянства в число налогоплательщиков, отмена паспортного режима, отмена выкупных платежей за землю, получение права на выход из общины в 1907 г., введение представительного учреждения и обретение гражданских прав всем населением в 1905 г.) привели к тому, что к 1917 г. все сословия *юридически* утратили свои специфические права. Вертикальная социальная мобильность существенно возросла, поддерживая трансформацию социальной структуры из сословной в классово-профессиональную.

Политическое развитие страны также следует признать успешным. Российская государственность эволюционировала от самодержавия к конституционной монархии и в 1905–1906 гг. стала таковой. После 1905 г. появились свободная пресса, общественное мнение, политические партии, добровольные ассоциации – элементы гражданского общества [Миронов, 2009: 391–432]. В принципе сформировался механизм, обеспечивающий передачу общественных настроений, желаний, требований от общества к властным структурам, контроль за их исполнением посредством законодательных учреждений, прессы, общественного мнения, добровольных ассоциаций. Если в середине XIX в. последних насчитывалось несколько десятков, то накануне мировой войны общее число (благотворительных, религиозных, студенческих, профсоюзных, клубов и других) обществ в империи без Польши и Финляндии превысило 51 тыс.: 19,7 тыс. православных церковно-приходских попечительств (в 1902 г.), 13 тыс. кредитных и ссудно-сберегательных товариществ, 8,7 тыс. потребительских кооперативов, 4,7 тыс. сельскохозяйственных обществ, более 5 тыс. благотворительных обществ (4958 в 1898 г.) и сотни ассоциаций другой специализации, включавшие миллионы человек. Только кооперативы всех видов охватывали около 9 млн членов.

Во время войны либеральная оппозиция под лозунгом помощи жертвам войны создала массу общественных ассоциаций, в том числе всероссийского масштаба, что до войны запрещалось: Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, Всероссийский союз городов, объединенный Главный по снабжению армии комитет Всероссийского земского и городского союзов (Земгор), Центральный военно-промышленный комитет. В 1915 г. сеть этих организаций покрыла Россию. За время войны число добровольных организаций, если ориентироваться на увеличение количества кооперативов (с 26,5 тыс. до 63–64 тыс.), существенно возросло. Даже в случае неизменности количества ассоциаций других видов их общее число к осени 1917 г. превысило 90 тыс., охватив до половины взрослых жителей страны. Набирали силу добровольные ассоциации буржуазии. Десятки биржевых обществ, съездов промышленников, обществ фабрикантов и заводчиков лоббировали региональные и отраслевые интересы предпринимателей перед государством и рабочими [Миронов, 2012: 636].

Политический процесс в пореформенный период претерпел кардинальные перемены. Исполнение его важнейших функций (социализации, рекрутирования элиты, коммуникации, артикуляции и агрегации интересов, определения и осуществления политического курса, вынесения судебных решений) перешло от коронных учреждений, традиционных институтов и органов сословного управления к средствам массовой информации, добровольным ассоциациям, парламенту, политическим партиям, школе всех уровней и литературе. Сдвиг в соотношении сил в пользу общественности вызвал, с одной стороны, опасение императора потерять доминирующее положение в управлении государством, с другой – желание общественности разделить с царем и правительством власть пропорционально фактическому соотношению сил. На этой почве возникло противостояние. В его основе лежала борьба за власть. Либерально-радикальная интеллигенция чувствовала в себе силы и знания вывести Россию из тяжелого положения, в котором, по ее мнению, находилась страна, претендовала на роль избавителя от недуга и, следовательно, на власть.

Как известно, улучшение условий жизни рассматривается в теории модернизации в качестве главного критерия ее успешности [Tiryakian, 1985: 131–147]. Поскольку имперская Россия модернизировалась, а благосостояние населения росло, модернизация следует признать успешной, несмотря на издержки.

Как неоспоримые успехи страны совместить с ростом в эти годы недовольства и оппозиции режиму, с развитием протестных движений, которые в итоге привели к революции 1917 г.? Современная теория модернизации объясняет этот парадокс.

1. Издержки процесса модернизации. Концепция модернизации в современном виде существенно отличается от той, чем была в момент наибольшей популярности в 1960-е гг. Неоимпериалистическая перспектива, разработанная в США, Великобритании, ФРГ, Франции и России, придала ей новый импульс. Теория модернизации прагматичней и работоспособней других влиятельных макротеорий – общественно-экономических формаций и цивилизаций [Побережников, 2006]. На мой взгляд, она хорошо объясняет историческую динамику России XVIII – начала XX в., происхождение и причины русской революции 1917 г.

Теория модернизации предназначена для объяснения трансформации традиционного аграрного общества в современное индустриальное – процесса, который происходил в России в имперский период. По этой теории, модернизация привела к возникновению индустриальных технологий и соответствующих политических, культурных, социальных механизмов, позволяющих управлять процессом развития общества. Главными признаками модерна являются индустриальное производство, правовое государство, гражданское общество и рациональный автономный индивид. Процесс трансформации социума шел по всем линиям одновременно или разновременно. В частности, суть политической модернизации состояла в переходе от абсолютизма к конституционной государственности и в передаче политической власти от элиты традиционалистской к элите модернистской.

Как показывает мировой опыт, в модернизации, даже успешной, заключено множество подводных камней, проблем и опасностей для социума. Она требует издержек и жертв, ведет к лишениям и испытаниям для отдельных сегментов населения, не приносит равномерного благополучия сразу и всем. “Осовременивание” различных сфер общественного организма осуществляется асинхронно, порой одних за счет других, приводя к противоречиям между ними. В ходе модернизации возникает дисгармония между культурными, политическими и экономическими ценностями и приоритетами, разделяемыми разными социальными группами. В многоэтнических странах модернизация способствует обострению национального вопроса. Все это имеет фатальное следствие – увеличение социальной напряженности и конфликтности в обществе. Причем чем быстрее и успешнее модернизация, тем, как правило, выше конфликтность. Как это ни покажется парадоксальным, революции, как правило, предшествуют длительное, бурное (по меркам своего времени) экономическое развитие и значительные структурные сдвиги в экономике и обществе. “Нет ничего более ошибочного, – заметил автор классического труда по истории революций К. Бринтон, – чем представлять себе старый режим угасающей тиранией, которая, катясь к своему финалу, доводит до предела деспотическое безразличие к протесту доведенных до крайности подданных” [Brinton, 1965: 60]. *Быстрый экономический рост является важнейшей предпосылкой революции.* Подобная зависимость “характерна практически для всех стран, переживших полномасштабные революции” в период ранней модернизации. Нидерландской революции XVI в. предшествовал быстрый экономический рост, затронувший промышленность и сельское хозяйство. В Англии с середины XVI в. до начала революции и гражданской войны наблюдался быстрый промышленный рост. Во Франции активное преобразование сельского хозяйства начинается со второй половины XVIII в., а период с 1760 по 1790 г. характеризуется успешным промышленным развитием – первая фаза промышленной революции. Германия перед революцией 1848 г. переживала промышленный переворот и экономический рост. То же наблюдалось за пределами Европы (Мексика, Иран и др.). Предреволюционные режимы здесь проводили политику активной индустриализации и ломки традиционных структур, опираясь в первую очередь на широкое привлечение иностранного капитала [Стародубовская, Мау, 2004: 39–40]. Этот тезис исследователям представляется столь важным, что они посвящают ему целую главу. Действительно, неоднократно подчеркивалась связь успешного экономического развития с вызреванием предпосы-

лок революции. В одной из работ, ставшей классикой модернизации, С. Хантингтон установил наличие прямой связи между быстрым экономическим ростом и политической нестабильностью [Huntington, 1968: 51]. Известный экономист и социолог М. Олсон считал быстрый экономический рост “важнейшим дестабилизирующим фактором”, “основной силой, ведущей к революции и социальной нестабильности” [Olson, 1997: 216].

Россия не исключение. Здесь модернизация проходила под флагом европеизации, точнее – вестернизации, и затронула верхние страты общества в несравненно большей степени, чем нижние, западные регионы (и этносы, в них проживающие) – сильнее восточных, город – больше деревни, столицы – интенсивнее остальных городов. Это привело к противоречиям и конфликтам между городом и деревней, разными отраслями производства (аграрное и промышленное), социальными слоями, территориальными, профессиональными, этническими сообществами. Важным негативным последствием модернизации стал социально-культурный раскол общества на образованное меньшинство, принявшее вестернизацию, и народ, в массе верный традиционным ценностям. В свою очередь, тонкое европеизированное меньшинство не имело единых ценностей, ориентаций и идеалов. В результате конфликтность и социальная фрагментарность общества со временем усиливались. Наблюдались побочные разрушительные последствия процесса модернизации в форме роста социальной и межэтнической напряженности, конфликтности, насилия, преступности и т.д. *Именно высокие темпы и успехи модернизации создавали новые противоречия, новые проблемы, вызывали временные и локальные кризисы, которые при неблагоприятных обстоятельствах перерастали в большие, а при благоприятных могли бы благополучно разрешиться.*

2. Девиантное поведение, благосостояние населения и революции. Рост социального и политического протеста при улучшении жизни хорошо объясняют теории девиации, потому что все протестные движения можно отнести к девиантному поведению – протестующие не согласны с официально утверждаемыми целями жизни, средствами их достижения или в целом с существующими порядками. Теории аномии, социальной дезорганизации и социального напряжения объясняют всплеск протестного/отклоняющегося поведения в пореформенное время.

Великие реформы 1860-х гг., изменившие условия существования и правила поведения, *во-первых*, породили дезориентацию. Социальные нормы стали противоречивыми, утратили прежнюю ясность (теория аномии). *Во-вторых*, прежние устойчивые социальные связи становились противоречивыми и разрушались, вследствие чего социальный контроль над человеком со стороны социальных организаций, таких как сельская община, мещанское, купеческое и дворянское общества, слабел, в обществе проявились черты дезорганизации (теория дезорганизации). *В-третьих*, возникло противоречие (напряжение) между потребностями людей и реальными возможностями их удовлетворения (теория напряжения) [Гилинский, 2007: 99–154]. Напряжение увеличивалось по мере роста индивидуализма, личной свободы, гражданских прав, уровня культуры и кругозора. Дезориентация, разрегулированность, дезорганизация и рост напряженности в обществе способствовали росту протестного, отклоняющегося поведения.

Уровень девиации в обществе до некоторой степени отражает преступность, поскольку включает основные формы отклоняющегося поведения. В России XIX–XX вв., как и всюду в мире, наблюдался устойчивый и, как правило, необратимый рост преступности. Достигнув определенного рубежа, она стабилизировалась, но не снижалась. Были два исключения – царствование Николая I и сталинская эпоха: в обоих случаях преступность возвратилась к показателям конца XVIII в. – времени расцвета крепостничества. Значительное увеличение преступности происходило трижды: после Великих реформ 1860-х гг. – в 2,7 раза (1851–1860 гг. в сравнении с 1883–1889 гг.), после революции 1917 г. – в 3 раза (1911–1913 гг. в сравнении с 1921–1924 гг.), после реформ конца 1980-х – начала 1990-х гг. – в 2,6 раза (1981–1985 гг. в сравнении с

2006–2010 гг.) [Гилинский, 2007: 218, 223; Иншаков, 2012; Миронов, 2003: 85]. Преступность в годы либеральных реформ повышалась, в консервативные годы стабилизировалась или медленно росла. Само по себе благосостояние не являлось главным фактором уровней криминогенности. Последняя имела тенденцию уменьшаться в периоды усиления социального контроля со стороны общественных и государственных структур и ограничения личных свобод и увеличиваться, когда контроль ослабевал и свободы становилось больше.

Профессиональный и социальный состав правонарушителей позволяет до некоторой степени оценить степень неудовлетворенности жизнью отдельных социальных групп. В конце XIX – начале XX в., с точки зрения криминогенности представителей разных профессий (отношение доли лиц данной профессии в общем числе осужденных к доле лиц данной профессии во всем населении), на первом месте были рабочие (11,2), на втором – лица свободных профессий и чиновники (2,3), на третьем – торговцы (1,9), на четвертом – промышленники и ремесленники (0,9), на пятом – крестьяне-землепашцы (0,6). На долю 3,2 млн рабочих [Рашин, 1958: 175] или 4,2% самодеятельного населения России в 1897 г. [Общий свод, 1905, т. 1: 56–58] приходилось около 30% всех осужденных. Рабочие, в подавляющей массе крестьяне по сословной принадлежности, были в 19 раз более криминогенными крестьян-хлебопашцев в деревнях. Большая преступность свободных профессий, торговцев и предпринимателей, в массе состоятельнее крестьян, свидетельствует, что бедность, хотя и являлась криминогенным фактором, сама по себе не оказывала решающего влияния на увеличение преступности. В этом отношении красноречивы данные о преступности по сословиям. С точки зрения криминогенности (отношение доли представителей сословной группы в общем числе осужденных к доле лиц этой группы в населении), в 1858–1897 гг. первое место принадлежало купцам (2,0), второе – мещанам и ремесленникам (1,7), третье – дворянам и чиновникам (1,5), четвертое – крестьянам (0,9), пятое – духовенству (0,3–0,4). Крестьянство уступало по криминогенности всем сословиям, кроме духовенства. После реформ влияние материального фактора на преступность возросло в другом смысле. Не бедность, а стремление разбогатеть любым способом, не исключая криминальные, часто служило мотивом преступления. Повышение роли богатства в системе ценностей, возможность сразу радикально изменить жизнь к лучшему вводило многих небедных людей в искушение решать материальные проблемы преступным путем [Миронов, 2003: 95].

Если преступность (так же как самоубийства и убийства) отражает недовольство, фрустрацию и агрессию [Гилинский, 2007: 67–68; Смидович, 1990: 74–79], то надо признать: в конце XIX – начале XX в. интеллигенция и рабочие являлись самыми неудовлетворенными социальными группами. Их агрессия обуславливалась условиями существования и особенностями менталитета [Huret, 2009: 239–263]. Высокая преступность рабочих объяснялась маргинальным статусом: оторвавшись от привычных условий жизни и стандартов поведения в деревне, от контроля семьи и общины, они тяжело адаптировались к фабричной и городской жизни, чувствовали себя отчужденными, что стало источником антиобщественного поведения и негативных психических состояний.

Причина недовольства интеллигенции иная – неудовлетворенность не столько материальным положением, сколько недостаточным, на ее взгляд, влиянием на социальные и политические процессы в стране. В начале XX в. активная часть интеллигенции, так называемая общественность, была уверена, что созрела для участия в государственном управлении. Как утверждал либерально мыслящий ученый В.И. Вернадский: “Русские граждане, взрослые мыслящие мужи, способные к государственному строительству”, хотели легально заниматься политикой [Трубецкая, 1953: 73]. “Записка”, опубликованная в январе 1905 г. после “Кровавого воскресения”, подписанная 1762 преподавателями российских университетов, практически всем преподавательским корпусом, содержала требование привлечь выборных представи-

телей к участию в законодательной власти и контроле над коронной администрацией [Ганелин, 1991: 76–77].

Известно, что успешное развитие цивилизации невозможно без свободы, сопряженной с отклоняющимся поведением, в том числе преступного характера. Девиантность – свидетельство наличия известного пространства свободы в обществе. “Если преступность падает заметно ниже среднего уровня, нам не с чем поздравить себя, – говорит Э. Дюркгейм, – ибо мы можем быть уверены в том, что такой кажущийся прогресс связан с определенной социальной дезорганизацией” [Дюркгейм, 1966: 44]. Действительно, самым низким уровень преступности в России за последние двести лет был в последние годы сталинского режима, может быть, самый мрачный период отечественной истории. Поздравлять россиян с этим было бы не уместным. Чтобы общество развивалось, чтобы существовала возможность для самовыражения и самореализации, в нем в равной степени должна существовать возможность для конструктивного и для деструктивного деяния относительно традиции. Рост преступности (деструктивного поведения) в пореформенной России шел параллельно с экономическим подъемом, ростом изобретательства и творческой активности (конструктивного поведения). В 1861–1900 гг. сравнительно с 1825–1855 гг. преступность (судя по числу осужденных – наиболее точному показателю) возросла в 2,7 раза, но и число запатентованных изобретений – в 13,2 раза (с 17 до 224 в год) [Ревинский, 2002: 347].

Развитие протестных настроений объясняет теория относительной депривации (относительных лишений), делающая акцент на психологической неудовлетворенности тем, что есть, и тем, что должно быть в соответствии с представлениями известных групп и индивидов [Гарр, 2005]. Именно относительная депривация наблюдалась в пореформенной России. Рост потребностей обгонял достигнутый уровень жизни. Все слои населения, интеллигенция в наибольшей степени, хотели больше того, что имели, и больше того, что можно было иметь при имевшихся экономических и финансовых ресурсах, низкой культуре населения, невысокой производительности труда. Рост желаемых потребностей опережал увеличение доступных возможностей. Диспропорция, увеличиваясь, сужала возможности мирного урегулирования. С 1870-х по 1911–1913 гг. номинальный средний годовой заработок российских фабрично-заводских рабочих увеличился примерно на 33% (со 190 до 254 руб.), сельскохозяйственных рабочих – на 75% (с 57 до 100 руб.), учителей земских школ – на 188% (со 135 до 390 руб., с квартирой и отоплением от школы). Однако и в 1870-е гг., и в начале 1910-х гг. все жаловались на плохое материальное положение, особенно учителя, считавшие свой заработок крайне недостаточным для интеллигентного человека, хотя в 1913 г. он был в 1,5 раза выше, чем у промышленных рабочих, а в 1870-е гг. – в 1,4 раза ниже. Как ни парадоксально, еще в большей степени сетовали на материальное положение учителя гимназий, чье годовое жалованье в 1910 г. равнялось 2100 руб., т.е. было в 5,4 раза выше, чем у земских учителей [Миронов, 2012: 670–671]. В период Первой мировой войны депривация достигла критического уровня, так как ожидания натолкнулись на внезапное ухудшение условий жизни, а неудачи на фронте и военные потери отняли оптимизм и веру в победу. Двойная, или прогрессирующая депривация относительно претензий и относительно прежних достижений особенно болезненна. Люди приобретали революционный настрой из опасения потерять то, чего с таким трудом удалось достигнуть. Американский социолог Дж. Дэвис утверждает, что прогрессирующая депривация была причиной всех великих революций в истории (так называемая теория “J-кривой”) [Davies, 1971; Davies, 1997: 5–19].

Усиление социальных, политических и экономических протестных движений проходило под решающим влиянием либерально-радикальной интеллигенции. Она выступала лидером, организатором и неременным их участником, что являлось закономерным следствием ее маргинальности в позднеимперской России. Определение интеллигенции как специфической социальной группы, идентифицировавшей

себя через оппозицию к капитализму и самодержавию, отрицавшие господствующие в обществе цели и средства их достижения и предлагавшей свои [Хорос, 1996: 96–98], говорит о ее маргинальности. В терминах теории девиации Р. Мертона, у русского интеллигента наблюдалась дисгармония между культурными целями и легальными средствами, с помощью которых эти цели осуществляются. Одни практиковали инновацию, другие – ретретизм, третьи – бунт. Интеллигентов – лиц с высшим и средним образованием – насчитывалось в 1897 г. в Европейской России около 774,6 тыс. (1,61% самостоятельного населения) [Миронов, 2012: 646, 655]. К активным участникам протестных движений некоторые исследователи относят люмпенов (463,5 тыс. в Европейской России в 1897 г. [Общий свод, 1905, т. 2: 265, 293], появившихся в значительном числе в результате “выпадения из системы ценностей, существующих классовых, сословных или групповых структур, дававших человеку не только фиксированный социальный статус, но и определенную культурную ориентацию” [Хорос, 1996: 116]. Вместе это давало значительное число лиц, склонных к отклоняющемуся поведению.

Мы вправе заключить: рост протестных движений в пореформенное время отражал не понижение уровня жизни, не кризис социума, государства в смысле его неспособности управлять страной. Он стал плодом прогрессивных социальных изменений в обществе, последствием предоставленной экономической и гражданской свободы огромной массе прежде бесправных людей, результатом развития рыночной экономики и невероятного прежде роста потребностей и ожиданий. После Великих реформ 1860 – начала 1870-х гг. в России быстрыми темпами проходила модернизация, затронувшая все стороны жизни и приведшая к конфликту традиции и современности. Конфликт сопровождался негативными последствиями: дезорганизацией государственных и общественных структур и дезориентацией людей, ростом напряженности и конфликтности в социуме. Общество испытало так называемую *травму социальных изменений*, или *аномию успеха*. “Прогрессивные по своей сути изменения, имеющие позитивные результаты, обнаруживают свою негативную сторону именно в силу того, что являются изменениями, что нарушают установившийся, стабильный порядок, прерывают непрерывность, нарушают равновесие, ставят под сомнение или лишают смысла прежние навыки и привычки” [Штомпка, 2005: 474, 491]. Конфликт традиции и модерна можно назвать *системным кризисом*. Такой кризис не имеет ничего общего с пониманием системного кризиса, которое доминировало в советской историографии и до сих пор бытует в литературе, как всеобщего и перманентного кризиса, сделавшим российский социум несостоятельным и нежизнеспособным, не способным развиваться и приспосабливаться к меняющимся условиям жизни, обеспечивать благосостояние граждан. *Кризис российского социума был болезнью роста, свидетельствовал о его развитии, а не о приближении его конца*. Он не вел фатально к революции, а лишь создавал для нее предпосылки, только возможность, ставшую реальностью в силу обстоятельств. Осенью 1914 г., в момент, когда на страну обрушилось испытание Первой мировой войной, модернизация находилась на марше; болезненные российские общественные проблемы: аграрная, рабочая и национальная, социально-экономическое неравенство, культурный раскол общества, низкий уровень жизни, несмотря на его повышение, успешно решались, но не были решены. Бремя войны, которого, напомню, не выдержала модернизированная во всех отношениях Германия, оказалось очень тяжелым. Россия имела предпосылки выйти из войны победителем (вместе с союзниками), если бы не ожесточенная борьба за власть между монархией и радикально-либеральной оппозицией, преступно подтолкнувшей в условиях тяжелой войны народ к свержению Николая II. Революция проходила по классическому сценарию – кризис “старого режима”; установление власти “умеренных”; победа радикалов, создавших “царство террора и добродетели”; термидор, или контрреволюционный переворот, постреволюционная диктатура. Вследствие безответственного поведения либеральных и революционных элит страна на несколько лет погрузилась в хаос.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Воспроизводство населения СССР / А.Г. Вишневский, А.Г. Волков (ред.). М., 1983.
- Демографическая модернизация России: 1900–2000 / А.Г. Вишневский (ред.). М., 2006.
- Ганелин Р.Ш. Российские самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. СПб., 1991.
- Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб., 2005.
- Гилинский Я.И. Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других “отклонений”. СПб., 2007.
- Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX–начало XX в): Новые подсчеты и оценки. М., 2003.
- Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности (Современные буржуазные теории) // Б.С. Никифоров (ред.). М., 1966.
- Иншаков С.М. Латентная преступность в Российской Федерации: перспективы исследования [Промсмотр 22.10.2012: <[http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/inshakov\(10-04-10\).htm](http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/inshakov(10-04-10).htm)>]
- Миронов Б.Н. История в цифрах: Математика в исторических исследованиях. Л., 1991.
- Миронов Б.Н. Экономический рост и образование в России и СССР в XIX–XX веках // Отечественная история. 1994. № 4–5.
- Миронов Б.Н. “Послал Бог работу, да отнял черт охоту”: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. 3-е изд. СПб., 2003. Т. 2.
- Миронов Б.Н. Историческая социология России. СПб., 2009.
- Миронов Б.Н. Благополучие и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд. М., 2012.
- Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: В 2 т. СПб., 1905.
- Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (вторая половина XIX в.) / А.И. Пискунов (ред.). М., 1991.
- Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: Теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.
- Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России: историко-экономические очерки. М., 1958.
- Ревинский Д.О. Патентование изобретений в России (1812–1870 гг.) // Экономическая история. Ежегодник. 2001. М., 2002.
- Святловский В.В. Мобилизация земельной собственности в России (1861–1908 гг.). СПб., 1911.
- Смидович С.Г. Самоубийства в зеркале статистики // Социол.исслед. 1990. № 4.
- Стародубровская И.В., Май В.А. Великие революции: От Кромвеля до Путина. 2-е изд. М., 2004.
- Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. СПб., 1907.
- Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России. СПб., 1895.
- Струмилин С.Г. Статистика и экономика. М., 1979.
- Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой: Воспоминания сестры. Нью-Йорк: Изд-во Чехова, 1953.
- Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996.
- Штомпка П. Социология. М., 2005.
- Brinton C. The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded Edition. N.Y.: Vintage Books, 1965.
- Davies J.C. Toward a Theory of Revolution // When Men Revolt and Why / C. Davies (ed.). New Brunswick; London: Transaction Publishers, 1997.
- Davies J.C. When Men Revolt and Why. New York: Free Press, 1971.
- Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. Princeton: Yale University Press, 1968.
- Huret R. All in the Family Again? Political Historians and the Challenge of Social History // Journal of Policy History. 2009. Vol. 21. № 3.
- Olson M. Rapid Growth as a Destabilizing Force // When Men Revolt and Why / J.C. Davies (ed.). 2nd ed. New Brunswick: Transaction Publishers, 1997.
- Rather S., Soltow J.H., Sylla R. The Evolution of the American Economy: The Evolution of the American Economy: Growth, Welfare, and Decision Making. New York: Basic Books, 1979.
- Tiryakian E. The Changing Centers of Modernity // Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of Shmuel N. Eisenstadt / E. Cohen, M. Lissak, U. Almagor (eds.). Boulder (CO): Westview, 1985.